

Шуй Цюэ не уловил язвительного тона в словах Наблюдателя. Да и к тому же сейчас был не праздник, чтобы поклоняться каким-то бодхисаттвам.

— Как это ты? — удивлённо произнёс юноша, склонившись, чтобы распахнуть двустворчатые плетёные ворота. Он лёгким движением ноги подкатил к створке камень, который не давал ей закрыться от порыва ветра.

— У Чунь, — раздался хриплый голос.

Шуй Цюэ поднял на него глаза, поняв, что тот назвал своё имя.

— Меня зовут Шуй Цюэ, — представился он в ответ. Гость есть гость, поэтому он радушно пригласил его войти: — Прошу, входите. Во дворе есть немного простого чая, чтобы утолить жажду.

Пробыв здесь всего несколько дней, он уже вёл себя как хозяин дома, подобно сороке, занявшей чужое гнездо.

Мужчина держал в руках фазана. Он был одет всё так же — в тёмную рубаху, узкие штаны и соломенную шляпу. За мускулистой спиной виднелся охотничий лук. Похоже, он спустился с гор спозаранку: штанины его были влажными от росы, а к пеньковым сандалиям прилипла грязь.

Поколебавшись мгновение, У Чунь, боясь испачкать чистый двор, принялся тереть подошвы о камень у ворот, пока те не очистились от грязи. Лишь после этого он шагнул внутрь.

Шуй Цюэ вынес из главного дома чашу с простым травяным отваром, но, не увидев гостя, подумал, что тот уже ушёл. К счастью, У Чунь тут же вернулся.

Протянув ему грубую фарфоровую чашу, юноша указал на два плетёных табурета, стоявших во дворе, и предложил сесть.

— Вы пришли к Ци-лану? Попали не вовремя. Он ушёл и вернётся, должно быть, только к полудню.

У Чунь молча покачал головой. Фазан, которого он поймал в горах, был крепко связан по ногам и крыльям, так что, брошенный на землю, не мог даже трепыхаться. Освободив руки, он залпом осушил чашу. Отвар из сушёной жимолости и хауттуйнии отлично помогал в жару.

Вчера охотник произнёс всего три слова, и Шуй Цюэ ничего не заметил, но сегодня, когда тот

заговорил снова, стало понятно, что акцент у него не здешний.

У Чунь, не ведая смущения, говорил, не сводя с него пронзительного взгляда своих соколиных глаз.

— Я пришёл не к нему. Я пришёл к тебе, — хрипло произнёс он.

Шуй Цюэ замер от удивления. Когда он удивлялся, его глаза невольно распахивались, становясь ещё круглее и наивнее, что смягчало его природную, почти порочную красоту.

— Зачем вы меня ищете? — спросил он.

Они ведь едва были знакомы, виделись всего раз.

— Правый локоть. Вывих.

Черты лица У Чуня были глубокими, совершенно не похожими на лица жителей Срединной равнины или юга. Суровое от природы лицо из-за его собственной медлительности казалось туповатым и неловким, отчего характер совершенно не соответствовал внешности.

— Тот мальчишка сказал, что ты — божественный лекарь, — безэмоционально произнёс он.

Шуй Цюэ догадался, что речь идёт о Ху-цзы, который вчера приходил к Ци Чаоцзиню и которому он приложил к щеке кактус. Услышав, что преувеличенные детские рассказы дошли до этого человека, он не знал, смеяться ему или плакать.

Впрочем, как вправлять вывих локтя, он действительно знал.

— Ху-цзы ещё ребёнок, это всё пустая болтовня, — поспешно объяснил юноша. — Я знаю лишь самую малость. Если вы мне доверяете... прошу, входите в дом.

У Чунь последовал за ним в главную комнату, где Шуй Цюэ усадил его на деревянный стул с достаточно широким сиденьем. Усевшись, гость всё ещё оставлял много свободного места. Шуй Цюэ взял его за запястье. Этот человек неизвестно чем питался, но его сустав был таким толстым, что ладонь юноши не могла его обхватить.

— Вам придётся потерпеть, — сказал он.

У Чунь послушно кивнул.

Шуй Цюэ поставил левую ногу прямо на сиденье стула, уперев колено в локтевой сгиб

мужчины, а левой рукой взялся за его плечо. Он одновременно потянул и согнул предплечье. Обычно после вывиха локоть сильно опухает и болит, и сама процедура вправления очень неприятна. В отличие от современности, здесь не было анестезии, и юноша опасался, что мужчина не выдержит боли и вырвется.

Однако лицо У Чуня оставалось непроницаемым. Его кожа была настолько смуглой, что румянец, заливший щёки, был почти незаметен. Шуй Цюэ мельком взглянул на него.

«Он просто сдерживает стон, вот и покраснел от боли»

У Чунь стиснул зубы, но не от боли.

Молодой господин, вероятно, из-за жары не стал надевать нижнюю рубаху с длинными рукавами, а выбрал модную в Да Жун летнюю безрукавку — «чэнь», которая застёгивалась на одну пуговицу и походила на короткий жилет. Поверх неё была накинута просторная туника из узорчатой марли. Ткань сама по себе была мягкой и тонкой, а эта к тому же светлого цвета. Издалека ничего не было видно, но сейчас, на таком близком расстоянии, У Чунь, даже не желая того, мог отчётливо разглядеть тело под полупрозрачным материалом.

Застёжка безрукавки располагалась низко, открывая большой участок кожи, белой, как весенний снег. Сквозь марлю виднелись нежно-розовые плечи, а тонкие руки под широкими рукавами были белыми и нежными, словно стебли лотоса. Талия была такой узкой, что казалась вдвое тоньше его собственной.

Неизвестно, где и как его растили, что он стал таким — тёплым и благоуханным, нежным, как яшма. Когда он, напрягаясь, вправлял ему сустав, его лицо покраснелось, алые губы приоткрылись, и с каждым выдохом гостя окутывал лёгкий, едва уловимый аромат.

Может, он носит в одежде ароматические шарики?

У Чунь знал, что не только знатные дамы и господа, но и некоторые учёные мужи стремились «питать свой дух ароматами»: жгли благовония, пропитывали ими одежду, носили саше. Недавно в уезде даже начали продавать ароматические шарики, которые клали в постельное бельё, чтобы придать ему аромат.

Но у этого юноши под широкими рукавами не было места для саше.

Так откуда же этот запах?

С непроницаемым лицом У Чунь перевёл свой соколиный взгляд на его безрукавку.

«Может, он носит его прямо на теле?»

Тогда стоит ему лишь немного вспотеть, и всё его нежное тело пропитывается ароматом, становясь нежно-розовым.

В жилах У Чуня текло больше крови степняков, чем ханьцев, и он не научился сдержанности, присущей жителям Да Жун. Он смотрел прямо, не отводя взгляда, его соколиные глаза, казалось, хотели прилипнуть к юноше.

Когда Шуй Цюэ закончил, он увидел, что У Чунь свирепо на него смотрит. Холод пробежал у него по спине, и он поспешно убрал ногу со стула.

— Я... я сделал вам больно? — мягко спросил он.

Тот так смотрел на него, что он испугался, как бы тот не набросился на лекаря.

У Чунь покачал головой и серьёзно спросил:

— Ты носишь в одежде ароматический шарик?

— М? — Шуй Цюэ никогда о таком не слышал и удивлённо переспросил: — Нет, а что это?

У Чунь увидел, что тот не лжёт.

Он никак не мог понять: если нет благовоний, то почему этот человек так приятно пахнет?

Он окинул взглядом комнату. Окна чистые, бамбуковые шторы полуспущены, круглый стол, табуреты, стулья из бамбука и дерева — всё просто и со вкусом. У Чунь заметил, что вся утварь, которой они пользовались, была парной, даже чашки и палочки на столе.

— Какие у тебя отношения с Ци Чаоцинем? — хрипло спросил он.

Если они братья, то их отношения не похожи на обычные братские. Вчера он всё видел: какой брат будет стирать нижнее бельё за другим?

У Шуй Цюэ перехватило горло. Он почувствовал смутное беспокойство, но, стараясь сохранять спокойствие, ответил:

— Ци-лан — мой дальний двоюродный брат. Я сын торговца, моих родителей убили разбойники. Я приехал в деревню Цинхэ, чтобы найти у него приют.

В этом мире у Шуй Цюэ не было никаких документов. Деревня Цинхэ была глухой и отсталой, и в уезде Чанчжоу перепись населения проводилась не слишком строго. На беженцев часто

закрывали глаза, но если бы кто-то донёс, властям пришлось бы вмешаться. Ци Чаоцинъ велел ему говорить всем, что они дальние кузены, и жители деревни не станут обращать на него особого внимания.

У Чунь молчал. Было неясно, поверил он или нет.

«Носитель, — внезапно вмешался Номер 77, — вспомогательная программа определила, что это и есть тот самый „дикий мужчина“ из сюжета...»

[Программа поставила задачу: выпросить у него фазана. За это дадут два очка альфонса]

Шуй Цюэ прикинул, что в этом мире одно очко альфонса равняется примерно ста медным монетам. Значит, тот фазан на рынке стоил бы двести монет. Это почти двухдневный заработок обычного крестьянина. Неужели охотники так много зарабатывают?

Впрочем, это был нелёгкий заработок. Охота в глухом лесу опасна — вот и вывихнул локоть.

«Носитель, не забывай о своей роли. Будь немного „зелёным чаем“» — добросовестно напомнил Номер 77.

«Ох...»

— вздохнул Шуй Цюэ. Его представления о «зелёном чае» застряли на уровне пошлых интернет-мемов из позапрошлого мира.

— Брат У Чунь... — он с трудом выдавил из себя, чувствуя, как сжимаются пальцы на ногах, и прошептал: — Вы такой умелый. Вы каждый день ловите таких больших фазанов? Вы... вы съедаете такого в одиночку?

Он говорил сбивчиво, его щёки залились румянцем.

— А я... я никогда такого не ел. Но мне нужно совсем чуть-чуть, чтобы наестся...

Шуй Цюэ показал пальцами, как мало ему нужно.

Номер 77 заметил, что в этом мире книга заданий была злой, но его носитель — очень добрым. Его механическое ядро раскалилось, и ему захотелось немедленно броситься в горы и поймать для своего милого носителя фазана.

У Чунь молча слушал, не сводя с него глаз. Шуй Цюэ, смутившись, отвёл взгляд.

«Ест так мало, неудивительно, что такой худой»

У Чунь встал, повесил на спину лук и глухо произнёс:

— Этого забирай. В качестве платы. Я ещё поймаю.

[Зачислено: 2 очка альфонса]

— Правда? — глаза юноши засияли. — Но ваш локоть только что вправили. Лучше бы вам отдохнуть пару дней.

Обычному человеку пришлось бы носить руку на перевязи целую неделю. Но У Чунь во время процедуры вёл себя спокойно, значит, его тело было намного выносливее. Охотник слегка пошевелил рукой, и мышцы перекатились под грубой тканью.

— Ничего страшного, — ровно произнёс он, доказывая, что с рукой всё в порядке, и снова отправился в горы.

Вскоре после его ухода Шуй Цюэ, сидя во дворе, от скуки считал тонкие стебли бамбука у дома. Вскоре с улыбкой на лице к ним заглянула крестьянка и протянула юноше три яйца. Это была мать Ху-цзы, которую в деревне звали госпожой Лю. Она сказала, что сегодня утром щека у сына и вправду спала, и попросила ещё кусочек кактуса.

Кактус во дворе Ци Чаоцзиня рос без всякой цели, и помочь соседям было несложно. Шуй Цюэ отрезал ей ножом две верхушки: одну — приложить к больному месту, а другую можно было посадить. Он попытался отказаться от яиц, но женщина была так настойчива, что ему пришлось их взять и отнести на кухню.

Уходя, соседка вдруг спросила об их с Ци Чаоцзинем отношениях. Шуй Цюэ слово в слово повторил то, что сказал охотнику.

Госпожа Лю лишь хитро улыбнулась.

— Хорошо, хорошо. Вы, два прекрасных юноши, живите дружно. У Ци-второго есть учёная степень, после траура он снова будет сдавать экзамены. Ваша счастливая жизнь ещё впереди.

«Разве учёная степень передаётся дальним родственникам?»

Шуй Цюэ был в полном недоумении.

Госпожа Лю была родом не из этих мест, а с юга, где браки между дальними родственниками были обычным делом. Она решила, что эти двое находятся в таких же отношениях. Стоило ей уйти, как новость разлетелась по всей деревне Цинхэ.

Ци Чаоцинзнь вернулся из уезда.

Его искусство каллиграфии было почти так же хорошо, как и живопись. Перед открытием дневного рынка он расписал тридцать круглых вееров — в основном пейзажами и цветами. Дорогие экземпляры с ручкой из чёрного лака продавались по восемьдесят монет, а те, что попроще, с бамбуковым ободком — по сорок. Не успел рынок открыться, как их все раскупили.

Один из его товарищей по академии узнал почерк Ци Чаоцинзня и с любопытством спросил, не нуждается ли тот в деньгах. Мужчина спокойно кивнул.

За тридцать вееров он заработал четыреста пятьдесят монет. Вдобавок хозяин лавки подарил ему один веер с бамбуковым ободком. На дневную выручку он купил «бамбуковую жену».

«Бамбуковая жена», также известная как «бамбуковая рабыня» или «бамбуковая обнимашка для коленей», была подушкой в виде полого цилиндра, сплетённого из бамбуковых планок. Она собирала прохладу и прекрасно спасала от жары.

В лавке были разные модели. Самые дешёвые стоили всего пятьдесят монет. Ци Чаоцинзнь, не раздумывая, отверг их. Если бы Шуй Цюэ спал, обнимая такую подушку, то назавтра всё его тело было бы в красных отметилах. Он выбрал модель из гладкого водяного бамбука, хотя цена на неё была в четыре раза выше.

Продавец расхваливал её на все лады. Как только покупатель заплатил, лицо торговца расплылось в довольной улыбке. Ци Чаоцинзнь заподозрил, что его обсчитали, и, нахмурившись, покинул лавку.

В конце улицы он купил миску ледяных шариков.

По дороге домой жители деревни хитро ему улыбались. Прислушавшись к их разговорам, он понял, что пошёл слух, будто эту «бамбуковую жену» он несёт в качестве свадебного подарка. Хотя в Да Жун во время траура были запрещены браки, влюблённым не возбранялось обсуждать свои чувства. Современники даже одобряли это, называя «смыванием белого красным».

Но дело было в том, что Ци Чаоцинзнь ни о чём подобном и не помышлял. Он считал себя всего лишь двоюродным братом и не питал никаких иных мыслей.

Когда он вернулся, Шуй Цюэ, увидев его странное выражение лица, подумал, что тот перегрелся. Приняв у него миску с ледяными шариками, он спросил:

— Ци-лан, а ты не будешь?

Мужчина отвёл взгляд от его наивных глаз.

— Я не люблю сладкое.

Он отнёс вещи и пошёл на кухню.

— Эти яйца и фазан?.. — позвал он Шуй Цюэ.

— Яйца принесла госпожа Лю, а фазана — У Чунь, — объяснил юноша.

Глаза Ци Чаоцинь слегка сузились. Он слышал об У Чуне от деревенских жителей. Говорили, что его, всего в шрамах, выловил из реки старый вдовец. К счастью, У Чунь оказался благодарным, научился охотиться и каждый день приносил с гор добычу. После смерти старика он жил в хижине на отшибе, и сельчане считали его почти дикарём.

— Зачем он подарил тебе фазана? Он сегодня приходил? — спросил Ци Чаоцинь.

— У него был вывих локтя, он пришёл за помощью, — сказал Шуй Цюэ, жуя шарик из миски. — Я вправил ему сустав, а он в благодарность оставил фазана.

— Ясно.

Ци Чаоцинь больше не сомневался. Он вернулся поздно, и сейчас было уже неподходящее время ощипывать птицу. Лучше было зарезать её утром.

Вечером мужчина приготовил яичницу с побегами туны. Шуй Цюэ помнил, что ему нужно проявлять заботу о главном герое. Сидя за столом, юноша положил ему в миску кусок яичницы.

— Ци-лан, ты так устал. Я могу и не есть, а тебе нужно хорошо питаться.

Сегодня Ци Чаоцинь не был таким холодным. Услышав эти заботливые слова, он лишь странно посмотрел на юношу.

«У меня-то таких мыслей нет, но кто знает, что на уме у Шуй Цюэ? — размышлял он. — Иначе почему на мосту Бацзы, в такой толпе, он увязался именно за мной?»

— Я не буду, ешь сам, — покачал головой мужчина.

Его забота, похоже, повысила благосклонность, и полоска прогресса сюжета немного подросла. Шуй Цюэ с довольным видом переложил яичницу обратно к себе.

«Эх, я так и знал, что он не будет, — с лёгкой ноткой лукавства сказал он Номеру 77. — Он вчера всё жареное мясо мне отдал. Наверняка из-за траура не хочет даже прикасаться к мясному»

«Нельзя, чтобы еда пропадала, — бормотал юноша, уплетая за обе щёки. — Я помогу ему всё съесть»

С «бамбуковой женой» в кровати стало прохладнее. Ночью шторы на маленьком окне были полуприкрыты, и ночной ветерок заставлял бамбук за окном шуршать. Шуй Цюэ был в восторге и заснул, прижавшись к подушке.

Ци Чаоцинъ же не смел поворачиваться в его сторону. Из-за жары он сшил для юноши две летние безрукавки из тонкого хлопка. Если бы он сейчас повернулся, то в серебристом свете луны увидел бы его сияющую белую кожу. Теперь он понял, что застёжка расположена слишком низко. В полумраке белели ключицы, и стоило Шуй Цюэ пошевелиться, как ткань открывала слишком многое.

Мужчина отвернулся и не мог уснуть. Внезапно юноша в полусне шлёпнул его по руке и сонно пробормотал:

— Ци-лан... меня укусил комар, укуси его в ответ...

— ...

Ци Чаоцинъ сел, откинул полог кровати и вышел в главную комнату. Он нашёл высушенные стебли полыни, сплетённые в жгуты, которые тлели, отпугивая насекомых. Он зажгёт их, подвесит под окном и у двери, и в воздухе поплыв тонкий дымок.

Когда постель снова прогнулась, Шуй Цюэ понял, что Ци Чаоцинъ вернулся.

— Ци-лан, помаши на меня веером... Если будет ветер, комары не посмеют меня кусать.

— ...

<http://bllate.org/book/15811/1439949>